

А. И. Кузнецова

**ВАРИАТИВНОСТЬ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ
КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ИЗМЕНЕНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ**

Тема вариативности в языке допускает, по крайней мере, две трактовки. Один возможный подход (чисто описательный) сводится к изучению языковых вариантов любого уровня безотносительно к установлению причин, породивших вариативность. В этом случае речь идет обычно о функционировании вариантов в разных речевых сферах (в пределах нормированного литературного языка, разговорного, просторечия, диалектов и т. д.).

Другой подход лежит в теоретической плоскости и предполагает не столько полное описание и классификацию языковых вариантов в том или ином языке, диалекте, идиолекте, сколько выяснение причин наличия в языке многочисленных отклонений от достаточно жестко организованной системы. Причины появления вариантов в литературном языке и в диалектах могут быть различные — как лингвистические, так и экстралингвистические; в миноритарных языках особенно существенны последние. Это четко видно на примере селькупского языка, который не имеет ни литературных традиций, ни устойчивой письменности. К причинам, породившим значительную вариативность в младописьменном селькупском языке, испытывающем сильное воздействие со стороны русского языка с его древними литературными традициями, следует отнести прежде всего явления социальные и психологические. Между этими явлениями существует определенная корреляция,

А. И. Кузнецова. Вариативность средств выражения...

на которую в свое время указывали французские функционалисты [Мамудян 1985, 157]. Данная корреляция проявляется в том, что языковая интуиция одного носителя языка сплошь и рядом оказывается противопоставленной языковой интуиции другого индивида. Отсюда вытекает необходимость при сборе материала в полевых условиях обращать внимание на согласованность—несогласованность и уверенность—неуверенность информантов в ответах на вопросы лингвиста. Источником для настоящей статьи послужили все случаи колебания информантов-селькупов в их ответах на предлагаемые вопросы, а также самоисправления носителей языка в спонтанной речи. Интерес к данной тематике вызван тем, что переменные, варьирующиеся языковые единицы (в отличие от постоянных) выступают неким индикатором грядущих изменений.

Материал собирался в селе Фарково Туруханского района Красноярского края. Это говор северного, тазовско-туруханского диалекта селькупского языка. (Материал для исследования собирался в 1998 и 1999 гг. во время двух экспедиций, проведенных благодаря финансовой поддержке фонда «Открытое общество», грант № 1567/801/1998.) Полученные в полевых условиях данные были сопоставлены затем с обработанными текстами 60-летней давности, собранными в том же районе в 1941 г. Л. А. Варковицкой [Варковицкая 1941].

Постоянные и переменные (иначе — вариативные) элементы языка сосуществуют в любом языке и встречаются на всех его уровнях. В данной статье специальной областью языкового анализа стали варианты на грамматическом уровне, не узаконенные языковой диалектной нормой и демонстрирующие неуверенность и несогласованность информантов в использовании отдельных форм слова в спонтанной речи и в ответах носителей языка на лингвистическую анкету (на фонетическом уровне вариативности не меньше, но она в статье не рассматривается, хотя по приводимым примерам можно получить о ней представление. Точно так же не анализируются варианты в лексике, возникающие за счет усечений корневых слов: например, нормой является *nj'l'* 'так, такой' вместо *nj'l'cyk* или *nj'l'dz'ik*. Чаше можно услышать *los* 'черт', чем *lōsy*, и т. д.).

Прежде всего обратили на себя внимание **морфологические варианты в системе имени и глагола.**

Одним из наиболее распространенных случаев вариативности в области морфологии является усечение падежных и глагольных показателей. В говоре туруханских селькупов вариативность конечных именных и глагольных показателей ведет к постепенному появлению новой морфемы. В **именной парадигме** усечению подвергаются все двусложные флексии. **Редуцируются падежные показатели** Dat., Abess. (Car.), Transl., El. Например, показатель Dat. *-kinĭ* трансформируется в окончание *-kin*, а показатель Abess. *-kĭlyk* — в *-kĭl*: *Ima ħeħĭymĭssa iraqotantykin* ‘Жена рассердилась на своего мужа’ (букв. ‘своему мужу’); *Mat tūZam tĕBytkin* ‘Я пришел к нему’; *Mat ilam äsäkĭl i ämākĭl* (возможны варианты *äykĭly*, *ämämĭkĭly*) ‘Я живу без отца-матери (-своей)’. Усечения характерны также для посессивных форм Transl. в Sg: *Mat ĩnDalsam mĕrĕy timĭĥännĭĭq* (вместо *timĭĥännĭĭqo*) ‘Я обрадовался старшему брату’. Глагол *ĭntalprĕqo* ‘радоваться’ изменил свое управление: в 1930-е гг. он управлял Instr., о чем писал Г. Н. Прокофьев [Прокофьев 1935, 89]. В настоящее время под влиянием русского языка происходит, с одной стороны, замена Instr. на Ill. (*Mat ĩnDalBam paĭĭĭnDy* ‘Я радуюсь ножу’ вместо *Mat ĩnDalBam paĭĭysä*), с другой стороны — смешение Instr. и Transl., поскольку оба падежа переводятся на русский Твор. п. [Кузнецова 2000, 109, 111–112]. Формы усеченного посессивного Transl. 1 Sg встречаются обычно в предложениях типа *esäs mat imanĭĭq (iranĭĭq)* ‘Будь моей женой (мужем)!', хотя возможны и редуцированные формы Transl. 2–3 Sg: *Topuryl' ħäĭl'atyp piroqolapsĭt. Pirosĭt mĕrĕy tarelkaptĭĭ* (вместо *tarelkaptĭĭqo*) ‘(Дети) ягодные пирожки начали жарить. Нажарили большую тарелку (букв. ‘тарелкой’)’. Примеры на усечение El. единичны в силу двух причин: во-первых, функцию El. чаще выполняет послелог *nĭny* (см. о нем ниже); во-вторых, в результате влияния русского языка на фонетику селькупского в речи среднего и молодого поколения не всегда можно различить звуки *q/k* и *i/y*; отсюда проистекает возможность возникновения омонимичных форм Dat. и El. Все усечения являются результатом вялости артикуляции, вызванной, в свою очередь, быстрым темпом речи. При переспросе аллег-

ровое произношение той или иной формы слова обычно заменяется представителями среднего и старшего поколения, знающими родной язык, на четко произносимый полный (не усеченный) вариант, причем тут же добавляется, что в обычной речи ‘так не говорят’. Молодые, если не перешли еще полностью на русский язык, и при переспросах повторяют слово в краткой форме, видимо, считая ее единственно возможной. Этот факт свидетельствует о частоте употребления редуцированных форм слова в повседневной речи.

В селькупском языке для обозначения косвенных актантов наряду с падежными формами Dat., Instr., Gen., Coord. и некоторых других падежей могут употребляться **послелого в усеченной форме**, образуя особые послеложные конструкции с предшествующим словом. Эти конструкции представляют собой единое фонетическое слово, управляемое чаще всего глаголом. Отсюда — частая регрессивная ассимиляция согласных на стыке существительного в Nom. или Gen. и послелого (например, *kanak nĭny* ‘от собаки’ > *kanannĭny*; *mat nĭny* ‘меня’ > *mannĭny*). Функции сочетаний существительных с послелогом *nĭny* близки функциям существительных в El. При этом **послелог -nĭny** иногда звучит как *-nĭĭ* и даже *-non*: *Man non uka enäs!* (или *enäs*) ‘Меня не бойся!'; *Üqy nĭĭn ata optom* ‘Из-под шапки видны волосы-мои’; *Tĕp nyrĕymĭssa mat kananĭĭn* ‘Он испугался моей собаки’; *Kanat assa* (вместо *ašša*) *enĭt sorynDän non* ‘Собаки не боятся дождя’. Следует отметить, что в трех последних примерах калькируется русский порядок слов вместо типичного для уральских языков порядка SOV. Аналогичным образом ведет себя и **послелог cĭty**, который также может выступать в усеченной форме: *qur cĭt* ‘для человека’; *Mat mĭttam tat cĭt ħäĭĭ* ‘Я дал для тебя хлеб’ (перевод сделан селькупкой, допускающей в своей речи ошибки, в том числе и в синтаксисе).

В послелогох, в отличие от редукции падежных форм, значительно меньше усечений. Так, среди рассмотренных примеров (всего 120: случаев с падежными окончаниями 47, с послелогом — 73) редуцированных падежных форм насчитывается 34, в то время как полных — 13; для послелогов наблюдается обратная пропорция: 26 — усеченные послелого и 47 — полные. Иными словами, **послелого** имеют бо́льшую ста-

бильность, устойчивость, меньше подвержены изменениям, чем надежные окончания. Появление усеченных вариантов может привести к грамматикализации послелого, к превращению его в падежный показатель, что наблюдается в ряде уральских языков. Тенденция к усечению конечных гласных в послелогох усиливается по сравнению с использованием послелогов в 1940-е гг., судя по материалам Л. А. Варковицкой.

В глагольной парадигме сопоставительно с именной наблюдается еще большая неустойчивость в средствах выражения различных глагольных категорий. Наиболее характерны усечения в спрягаемых формах глагола (окончания 3 Sg и 3 Pl) и формы 2 Sg в императиве.

Так, окончание 3 Pl *-ōtyt* (возможен его фонетический вариант *-watyty*) регулярно редуцируется в *-ōt*, как в приведенных выше примерах: *enōt* вместо *enōtyt* 'бояться'; *piroqolapsōt* и *pirosōt* (или *pirosuat*) 'начали жарить' и 'нажарили' вместо *piroqolapsōtyt*, *pirosōtyt*. Усечения данного рода преобладают: 114 против 32 полных окончаний. В 3Sg сплошь и рядом вместо *-ty* (34 примера) звучит *-t* (77 случаев): *Təp orqylpat picatyp* 'Он наловил щук' (и наряду с этим *Təp orqylsyty äitəp ɔmDy cōty* 'Он схватил оленя за рога'); *Imamty šōtta ašša ikol'cimpat* 'Жену в лес не взял'; *Suryr omta, qōlyr amnyt* 'Медведь (букв. 'зверь') сидит, рыбу ест'.

Не менее регулярно подвергаются сокращению формы императива, особенно во 2 Sg: *-äšyk* > *-äš* (в субъектном типе спряжения) и *-äty* > *ät* (в объектном типе спряжения), как в выражениях *yka molmytäš!* 'не ври!', *quraläš ütqo* 'сходи за водой!', *tan nōny yka enäš!* 'меня не бойся!', *tünDy cattät!* 'в огонь брось!', *qənnät moqunä, por qənta!* 'иди домой, бог идет!'. Вариирование форм 2 Sg императива заметно не только в формальных показателях данного наклонения, но и в трудно объяснимых колебаниях ударения [Очерки 1980, 141, 248]. Зафиксированный еще в 1930–1940-е гг. показатель императива 2 Du также подвергается усечению: вместо *-nyli* или *-nyli* возможен показатель *-yl* или *-al*, а форма 2 Pl *-nylyt* и *-nylyt* сокращается до *-nyl*, *-nyl*: *Qənnyl, qalyrynyl!* (обращение к детям) 'Идите, бегайте!'. Однако встречающийся в императиве показатель *-ty* (*mitty!* *ityty!* 'дай! возьми!') редко испытывает редукцию, что связано, видимо, с возможностью появления

омоформы 3 Sg в парадигме индикатива (ср. аналогичную ситуацию с показателями Dat.-All. и El.).

На общее количество рассмотренных форм императива (100) редуцированных вариантов приходится 74, полных — 26 (пропорция ~ 3 : 1). Полные формы чаще встречаются в объектном спряжении у представителей старшей когорты, например, *Tattäty tасun nōny pō!* 'Принеси из леса дрова!'.
В совокупности проанализированные формы 3 Sg и 3 Pl в разных временах, а также формы императива составили около 360 показателей, из которых чуть более четверти окончаний являются полными, а три четверти — усеченными.

Усеченные формы широко встречаются уже в записях Л. А. Варковицкой 1941 г. Сопоставление усеченных форм 1940-х и 1990-х гг. (имеется в виду прежде всего редукция глагольных окончаний) показывает, что сокращенных форм стало больше.

В связи с вариативностью глагольных форм можно указать на любопытный факт разрушения категории двойственного числа, которое началось еще в 1940-е гг. (если не раньше). Оно проявляется, в частности, в том, что при сохранении форм Du в именах двойственное число исчезает в глаголах; вместо него употребляется Pl, как в следующих предложениях: *Tynty na imakota i irakota na šittäqy* (Du) *qaltōtyt* (Pl) 'Там эта старуха и старик вдвоем остались'; *Tōmneŋka i netäŋka šittäqy ilōtyt* 'Томнэнка и Нэтэнка вдвоем жили'. Встречаются, правда, и случаи согласования по двойственному числу: *Təpəqy antalōqy* 'Они (Du) заспорили (Du)' (в приведенных примерах, при сохранении в целом перевода и транскрипции Л. А. Варковицкой, некоторые знаки заменяются — *ä* на *ō*, *ь* на *y*, *æ* на *ä*). В 1990-е гг. процесс рассогласования в плане выражения по двойственному числу продолжался, сменяясь смысловым согласованием по множественному числу, как, например, во фразе *Ijam i näl'äm šittätī* (форма Px3Du) *motorkaqyt qəssōtyt* 'Мальчик-мой и девочка-моя вдвоем-они на моторке поедут'. Фразы типа 'Мы (вы, они) двое капкан поставили' звучат как *Me (te, təpyt) šittäm* (*šittälyt, šittätyt*) *kapkan omDylytsym* (*omDylytsyl, omDylytsōt*) вместо *omDylytsymyt, omDylytsylyt, omDylytsōtyt*, да и те только в речи старшего поколения, хорошо знающего родной язык.

Результаты сопоставления отрывков, содержащих равное количество глаголов в форме императива и в форме 3-го лица единственного и множественного чисел разных наклонений, приведены в помещаемой ниже таблице.

Таблица 1

Годы	Глагольные окончания		Количество форм	Всего	
	полные/краткие	показатели		в цифрах	в %
1940-е	полные формы	3 Pl - <i>̄tyt</i>	88	275	75 %
		3 Sg - <i>ty</i>	160		
		Imperativ 2 Sg - <i>äšyk/</i> <i>-äty/-ty</i>	27		
	усеченные формы	3 Pl - <i>̄t</i>	0	82	25 %
		3 Sg - <i>t</i>	76		
		Imperativ 2Sg - <i>äš/-ät</i>	6		
Всего			357	100 %	
1990-е	полные формы	3 Pl - <i>̄tyt</i>	32	92	25 %
		3 Sg - <i>ty</i>	34		
		Imperativ 2 Sg - <i>äšyk/</i> <i>-äty/-ty</i>	26		
	усеченные формы	3 Pl - <i>̄t</i>	114	265	75 %
		3 Sg - <i>t</i>	77		
		Imperativ 2Sg - <i>äš/-ät</i>	74		
Всего			357	100 %	

Процентное соотношение полных и сокращенных форм для 1940-х и 1990-х гг. дано в таблице округленно, в отличие от абсолютных чисел. Единичные случаи нетипичных усечений в императиве 2-го и 3-го лиц, обнаруженные в отдельных идиолектах, в таблицу не включены.

Случаи свободного варьирования наблюдаются также в синтаксисе. Здесь речь может идти о функциональной вариативности в отличие от вариативности в средствах выражения, которая отмечалась в морфологии и проявлялась в усечениях грамматических форм. Правила выбора Acc. или Nom. строго соблюдаются только в случаях, когда от этого зависит семантика всей фразы, но эти же падежи могут взаимозаменяться, находясь в отношении свободного варьирования, если замена одного падежа на другой не изменяет смысла предложения: *Təp orqylsyt pū* (Nom.) // *pūp* (Acc.) 'Он схватил камень'; *Me sitō marqy qāly* (Nom. Sg) *̄rqyls̄myt* 'Мы (двое) большую рыбу поймали'; *Mat ̄rqylsam sitō qālyp* (Acc Sg) 'Я поймал двух рыб'. Ср. аналогичную ситуацию в красноселькупском говоре тазовского диалекта [Очерки 1980, 175].

В редких случаях встречаются, судя по ответам информантов, идентичные варианты употребления существительного с послелогом и существительного в определенном падеже. Подобную субституцию конструкций с послелогом конструкциями с падежами часто называют синтаксическими синонимами. Синонимия падежного и послеложного управления может быть продемонстрирована на нескольких примерах: *Nūtōqyt* (Loc.) (= *nūtyn iqyt*) *ippysa sāqy pōllaka* 'На траве лежала черная палка'; (*Tat*) *ūqyntu ylqynu* (= *ūqy nōn* = El. *ūqyqynu*) *ata optom* 'Из-под (твоей) шапки видны волосы'. Однако замена такого рода — явление сравнительно редкое. Большинство информантов подобные фразы переводили с использованием падежей, например: *Məttytqyt (nūtōqyt, tətōqyt) ippa pōllaka* 'На дороге (траве, земле) лежала палка'. Под понятие синтаксических вариантов подпадают также примеры с изменяющимся глагольным управлением: в одних случаях вместо Instr. употребляется Ill., в других происходит смешение Instr. и Transl. (примеры см. выше). Неправильное употребление падежей может происходить под воздействием русского языка.

Синтаксическая **вариативность** возникает также при употреблении **союзов** — селькупских и заимствованных из русского языка: *Mat 5nDalsam čto* (вместо *monty*) *ijam tūsa* 'Я обрадовался, что сын пришел'; *Qip ešli* (вместо *qata*) *quDDa, toгда* (вместо *naššan*) *na qip poronDu pinDu!* 'Человек если умрет, тогда этого человека на лабаз положи!'. Синтаксическую вариативность такого типа можно интерпретировать как **смещение кодов**. Подобных примеров очень много. В селькупском имеются собственные служебные слова, в частности союзы, выполняющие синтаксические функции связи слов и групп слов в предложениях. Однако селькупские союзы (особенно используемые в сложноподчиненных предложениях, приходящих на смену полипредикативным конструкциям), не успев оформиться в стройную систему, уже забываются носителями языка. Так, предложение 'Старик обрадовался, что поймал щуку', селькуп перевел как *Iraqota 5nDalseisa natqo orqylpat pica c5i*, неправильно заменив союз *čto* союзом *natqo*, означаящим 'поэтому, потому, для (э)того'.

Калькирование русского порядка слов ведет к появлению чуждого селькупскому языку построения предложений с порядками слов SVO, VO вместо исконного SOV (подробнее см. [Кузнецова 1999, 90–91]). Предложения с измененным порядком слов, который не влечет за собой изменения смысла, можно также считать случаями синтаксического варьирования. Увеличивающееся количество случаев употребления предложений с новым порядком слов свидетельствует о происходящих изменениях в синтаксисе селькупского языка.

Синтаксическая вариативность в большей части случаев происходит под влиянием русского синтаксиса; случаи же морфологической вариативности типа усечений или рассогласования по числу существительного и глагола возникают не под непосредственным воздействием русского языка, а внутри самой системы селькупского языка в силу психологических причин в условиях сложной языковой ситуации. В области морфологии, как было отмечено, наиболее частотными становятся усеченные формы отдельных падежей, императива и форм глагольного спряжения. В результате возрастающей роли усеченных вариантов в формах скло-

нения и спряжения, влияющих на именную и глагольную системы, постепенно изменяются представления носителей языка на то, что считать 'правильным', а что — нет. Не случайно носители языка то и дело говорят, что можно 'и так сказать, и так'. Возникает чувство 'вседозволенности' в пользовании языком: если окончания одних падежей в отличие от других могут укорачиваться, если 'на равных' могут употребляться послелого и падежи, то почему не могут использоваться и разные падежи для выражения одного и того же смысла? Молодые (а иногда представители и старшей когорты) начинают смешивать падежи, употребляя 'что ни попадя', как говорят осуждающе старики ('Лепят, что ни попадя', 'На легких словах разговаривают'). Учет вариантных форм помогает правильно оценить перспективы эволюции языка в плане влияния социолингвистических факторов на язык (роль возраста говорящих, образовательного ценза, миграции населения и т. п.). Варианты любого уровня создают пограничную, смежную зону между центральной и периферийной областями в языке. Именно в этой зоне происходят те изменения, которые, проникая в центр и вытесняя из него отдельные элементы в силу тех или иных экстралингвистических причин, постепенно расшатывают языковую систему, приводя к ее изменению. На наших глазах происходят процессы, меняющие селькупский язык: то, что недавно было постоянным, становится переменным, вариативным и высоко частотным. По наблюдениям М. Мамудяна [Мамудян 1985, 156], существует тесная взаимосвязь между высокой частотностью и высокой степенью интеграции языковых явлений в систему. Становясь высоко частотными, вновь возникающие варианты ведут к изменению всей системы селькупского языка.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 01-04-16225а.

Литература

[Варковицкая 1941] — Архив Л. А. Варковицкой. 1941. Тетр. 1, 2, 3.

- [Кузнецова 1999] — Кузнецова А. И. *Селькупский язык с точки зрения типологии порядка слов* // Типология и теория языка. От описания к объяснению. — М., 1999.
- [Кузнецова 2000] — Кузнецова А. И. *Изменения в глагольном управлении в селькупском языке: спустя 65 лет после работы Г. Н. Прокофьева у туруханских селькупов* // XXII Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. III. — Томск, 2000.
- [Мамудян 1985] — Мамудян М. *Лингвистика*. — М., 1985.
- [Очерки 1980] — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. *Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект*. — М., 1980. — Ч. I.
- [Очерки 1993] — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. *Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 2. Тексты. Словарь*. — М., 1993. — Ч. II.
- [Прокофьев 1935] — Прокофьев Г. Н. *Селькупская грамматика*. — Л., 1935.